

- » Новый французско-русский словарь / В. Г. Гак, К. А. Ганшина. 7-е изд. М.: Русский язык, 2002 С. 194.
- ¹⁰ Bertaud Du Chazaud H. Dictionnaire des synonymes. Paris: Hachette-Tchou, 1973. P. 263.
- " Le Figaro. № 18 054. P. 3.
- ¹² Le Monde. 16 juin 2004. P. 7.
- ¹³ Gougenheim G. Dictionnaire fondamental de la langue française. Paris: Didier, 1958. P. 189.
- ¹⁴ Новый французско-русский словарь / В. Г. Гак, К. А. Ганшина. 7-е изд. М.: Русский язык, 2002. С. 846-847.
- ¹⁵ Bertaud Du Chazaud H. Dictionnaire des synonymes. Paris: Hachette-Tchou, 1973. P. 369.

Н. А. Туликова

ЖАНРЫ ПРОПОВЕДИ И ГИМНА И «ЛЕГЕНДА ОБ УЛЕНШПИГЕЛЕ» ШАРЛЯ ДЕ КОСТЕРА

*Кафедра зарубежной литературы
Научный руководитель - А. И. Жеребин.*

«Легенда об Уленшпигеле» вбирает в себя различные жанровые традиции: народной книги, плутовского романа, романтического романа. При всей своей масштабности эта книга вобрала в себя и некоторые «малые» жанры - от поговорок, которыми изобилует речь персонажей, до видения, по образцу которого строятся некоторые главы. Подобными «малым» жанрами, имеющими важное значение для понимания структуры «Легенды об Уленшпигеле», являются также проповедь и религиозный гимн.

Религиозная и христианская тематика, появляясь уже в первой книге «Легенды», в четвертой и пятой книгах становится центральной: слова Тили Уленшпигеля, а иногда и самого повествователя облечены в форму гимна-проповеди. Однако «Легенда» дает и другие образцы речи проповедника. Среди персонажей книги есть несколько священнослужителей, прежде всего псевдосвященников или католических священников, отношение повествователя к которым сугубо отрицательно. Их роль в тексте - искоренять ересь, призывать жителей Фландрии к доносам, обличать протестантов, и одно из их основных орудий в борьбе с реформатами - проповедь. Де Костер вклю-

чает в текст «Легенды» проповедь отца Корнелиса Адриансена (кн. 2, гл. 3), его же слова помещаются в 1-й главе пятой книги.

Отец Корнелис не был вымышленной фигурой. Его образ Де Костер почерпнул из сборника проповедей Броера Адриансена Корнелиса. В «Предисловии Сова» Де Костер под маской редактора сообщает, что первая проповедь отца Корнелиса «заимствована из фрагментов сборника 1590 г. Автору пришлось сшить вместе, чтобы не повторяться, несколько частей проповедей этого неистового проповедника, и дать список разных сект XVI века...»¹.

Проповеди отца Корнелиса проникнуты злобой, в них отсутствует всякое христианское начало: «На кафедре неистовствовал грязный, нахальный, злобный крикун - монах-минорит Корнелис Адриансен»². Они носят в основном обличительный характер предметом его хулы становятся человеческие добродетели - миролюбие, терпимость, нестяжательство. Корнелис доходит до абсурда, осуждая даже Иисуса Христа, в противоположность Уленшпигелю, для которого его дело является правым именно потому, что с ним Христос. В тексте книги католичество и протестантизм разведены не как два вероисповедания, а

как корысть, прикрывающаяся маской религии, и истинная вера.

Позже становится известно, что Корнелис побуждал жен уходить от мужей и соблазнял их, т. е. был грешником и орудием греха. Кроме прелюбодеяния, он впадал и в другие грехи: гнев, зависть, чревоугодие, корысть. В этом свете его проповеди становятся воплощением лживости, двуличия, лицемерия.

На фоне проповедей католических священников протестантская проповедь становится для Де Костера синонимом «свободного слова», что вообще характерно для протестантизма, обратившего особое внимание на этот жанр: «В течение Средневековья проповедь остается одним из центральных жанров и играет роль *эталона* по отношению к другим формам: вся средневековая литература есть в той или иной мере проповедь. <...> Сильные стимулы для развития проповеди дала Реформация: Лютер провозгласил проповедь смысловым центром церковной жизни, поставив ее выше литургии»³.

В 15-й главе третьей книги Молчаливый, принц Оранский, поручает Уленшпигелю ходить по стране и проповедовать среди фламандцев: «Обойди Намюр, Фландрию, Геннегау, Южный Брабант, Антверпен, Северный Брабант, Гельдерн, Оверэйссель, Северную Голландию и всюду говори о том, что если не судьба нам защитить наше святое христианское дело на суше, то борьба с незаконными насильниками будет продолжаться на море. Сам Господь благословил нас на этот подвиг, и он не оставит нас своею милостью и в счастье и несчастье»⁴. Таким образом, настоящим делом Уленшпигеля становится не столько участие в сражениях, характерное для эпических героев, сколько провозглашение истины.

Для публичной речи Уленшпигеля, роль которой в четвертой и пятой книгах действительно велика, характерны две формы: прозаическая и поэтическая. Первая форма близка к жанру проповеди, хотя откры-

то она так и не называется, вторая, в тексте именуемая песней, на самом деле является религиозным гимном. Как и проповедь, религиозный гимн, основным образом которого является образ Иисуса Христа, ведущего в бой своих учеников, занимал особое место в эпоху Реформации, символизируя свободу совести и слова. Гимн сменяет собой народную песню, которая звучала в тексте в первой-третьей книгах «Легенды». Таким образом, речь Тили повторяет историю развития протестантского гимна, который, по словам В. М. Жирмунского, опирается на устную традицию народной песни⁵.

Прежде всего необходимо отметить отличие проповеди Уленшпигеля от речи отца Корнелиса. Во-первых, Уленшпигель проповедует не для всех, а только для посвященных, соотечественников, таким образом, его цель - не обратить кого-то в свою веру и даже не убедить в чем-то, а подбодрить борцов за правое дело. Так, в 10-й главе четвертой книги Тиль, видя уныние Ламме, обращается к нему, но вместе с тем ко всему народу в целом, называя Ламме вместо привычно-шутливого «сын мой» «фламандцем». Речь Уленшпигеля строится как чередование страшных сцен, рисующих зверства католиков, и призывов к действию: «Пробудись, фламандец!» Во-вторых, стилистически речь Уленшпигеля торжественна, возвышенна, в то время как Корнелис употребляет много бранных слов.

Далее, местом произнесения проповеди Тили является не храм и даже не площадь. Еще во второй книге Де Костер избирает местом проповеди евангельского учения, помимо укрепленных лагерей, «поля и сады, холмы, где спасаются от наводнения животные, речные суда». Свободное слово не знает границ, оно близко природе и всему живому, потому пространственные ограничения, столь важные для этого жанра, на проповедь Уленшпигеля не распространяются. Однако в связи с доминантой жанра проповеди и религиозного гимна несколько изменяется хронотоп книги в целом, что

продиктовано изменением природы человека, становящимся человеком публичным, лишенным не только биологического времени, но и временного и пространственного измерения. Движение в последней книге происходит не за счет движения самого Тиля, раньше путешествовавшего пешком или на осле: он находится на корабле и либо не движется, либо движется не по своей воле.

Проповеди Уленшпигеля, так же как и проповеди Корнелиса, носят обличительный характер, но иного плана. В своих проповедях Уленшпигель рассуждает не об отвлеченных понятиях грехов и добродетелей, а о конкретных действиях и событиях, происходящих во Фландрии. Уленшпигель не бранится, а призывает к справедливой мести: «Выпьем испанского вина! Выпьем из тех самых чаш, из которых испанцы пили кровь своих жертв. <...> Слышите, как во Фландрии, возлюбленной нашей отчизне, раздаётся призыв к отмщению? Там куют оружие, точат мечи. Все пришло в движение, все дрожит, как струны арфы от дуновения теплого ветра, от дыхания душ, выходящих из могил, из костров, из окровавленных тел»⁶. Тем не менее при всей их конкретности проповеди заключают в себе много христианских мотивов, лейтмотивом которых является то, что сгёзами Христос, что их дело - правое.

Тиль не только обличает католиков и их греховные деяния, он поднимает протестантов на борьбу за свободу Бельгии. Отношение к проповеди как к «свободному слову», а к протестантизму как к религии свободы диктует новые законы построения проповеди. Это спонтанная, неподготовленная речь, часто являющаяся реакцией на какое-либо событие или просьбу товарищей. Проповедь строится не по логическому образцу, способу, а по ритмическому образцу, по ритму, по ритмике. Например, Тиль никогда не использует типичное для Корнелиса традиционное обращение, зато его речь ритмизирована, он использует повторы, суггестию.

Сама фигура Тиля в ситуации проповеди сильно изменяется; его образ «размыва-

ется». Слово как бы заменяет собой действие и становится основной сферой проявления героя. Его речь приобретает возвышенно-торжественный оттенок, что совершенно не свойственно Тиллю в других ситуациях. Проповедь в его случае - не профессиональное занятие, а призвание; на него нисходит какая-то чудесная, таинственная сила, и он провозглашает собравшимся истину. При этом надо отметить, что Уленшпигель обладает полнотой знания большей, чем даже сам автор. В проповедях и гимнах он способен провидеть грядущее. «Что бы ни творилось на суше, от тебя ничто не укроется, тебе известны все походы. Спой нам про них!» - говорят ему гёзы⁷. Уленшпигель может проповедовать перед многими, а может - только перед Ламме, чтобы придать этому доброму, но слабому человеку силы для дальнейшей борьбы. Уленшпигель, таким образом, не только наставник, но и пророк, посредник между Богом и людьми, открывающий им истину, облеченную в форму исторических коллизий.

Проповедь Уленшпигеля отличается не только от проповедей католиков, но и от речи повествователя и строится по иным законам, чем повествование в целом. Так, речи Тиля свойственны рефрены, иногда переходящие из текста в текст: «Пробудись, фламандец», «Око за око, зуб за зуб», «Да здравствует Гёз!». В то же время проповедь и гимн являются теми повествовательными стихиями, в которых голос повествователя и голос героя, а вместе с тем и их позиции, начинают совпадать, поскольку, даже «выйдя» из ситуации гимна или проповеди, автор оставляет за собой право не различать позиции героя и повествователя. «В этой части ... голос писателя сливается с голосом героя»⁸. «Лийм ии тьрил, и увьпу.ру До ивупер да/ло говорит от имени «нас». Обширные рассуждения и речи Тиля учащаются. Они усиливают публицистический, политически откровенный и призывный характер последних книг романа»⁸. Позиция Тиля несколько изменяет, «обогащает» позицию пове-

ствователя, позволяет и ему проникнуть в суть вещей.

Гимны, которые поет Уленшпигель, характеризуются повторяемостью. Герой часто использует одну и ту же схему, наполняя ее разным содержанием в зависимости от ситуации: «Бей в барабан (славы, скорби, войны, веселья)!» В то время как вне ситуации гимна и проповеди Уленшпигель, очень близкий к разгадке тайны Семерых, забывает о параллелях между историческими событиями и священной историей, гимн позволяет герою провести эту параллель:

Когда над каналом вечером
Взлетали огни потешные,
Взрывались, трещали весело,
И плыли ладьи триумфальные,
И рябило в глазах от ковров и картин, -
Разыгрывалась, о Бельгия,
История Иосифа,
Которого братья продали⁹.

В. Г. Белинский, рассуждая о лирической поэзии, пишет: «Виды лирической поэзии зависят от отношения субъекта к общему содержанию, которое он берет для своего произведения. Если субъект погружается в элемент общего созерцания и как бы теряет в этом созерцании свою индивидуальность, то появляются гимны, дифирамбы, псалмы»¹⁰. Герой «Легенды» в четвертой и пятой книгах легенды действительно отказывается от собственной индивидуальности и передает безличную, всеобщую истину, сливается с ней; тогда он постигает истину.

Таким образом, в сфере «малых» жанров, входящих в состав «Легенды», герой непосредственно соприкасается со сферой вечности, с чем связано изменение художественного пространства и времени, а также образа героя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ De Coster Ch. La Légende et les aventures héroïques joyeuses et glorieuses d'Ulenspiegel et de Lamme Goedzak au pays de Flandres et ailleurs. М., 1979. Р. 27.

¹ Де Костер Ш. Легенда об Уленшпигеле. М., 1997. С. 208.

³ Аверинцев С. С. Проповедь // Краткая литературная энциклопедия. М., 1971. Т. 6. Стлб. 41-42.

⁴ Де Костер Ш. Указ. соч. С. 266.

⁵ Жирмунский В. М. Очерки по истории классической немецкой литературы. Л., 1972. С. 24.

⁶ Де Костер Ш. Указ. соч. С. 424.

⁷ Там же. С. 407.

⁸ Андреев Л. Г. Сто лет бельгийской литературы. М., 1967. С. 93.

⁹ Де Костер Ш. Указ. соч. С. 447.

¹⁰ Цит. по: От аллегории до ямба. Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению / Под ред. Н. Ю. Русовой. М., 2004. С. 60-61.

Н. Е. Тюкалова

О ЗАВИСИМОМ ХАРАКТЕРЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ФАМИЛИИ

Кафедра романской филологии.

Научный руководитель - Л. А. Становая

Настоящая статья посвящена рассмотрению языкового статуса французской фамилии, в частности его зависимому ха-

рактеру, который обнаруживается в специфике выражения грамматической категории рода.